

С. А. Пугач

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ И СТИЛЕМ РУССКИХ ПОВЕСТЕЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Гениальный украинский поэт, революционер-демократ Т. Г. Шевченко известен и как автор русских повестей. Обращение народного художника Украины к русскому языку чрезвычайно знаменательно: оно свидетельствует о глубокой преданности поэта идее дружбы и единения народов России, о расширении и укреплении революционных позиций писателя-борца.

Работа над русской прозой означала для Шевченко вступление в новую интересную и сложную область творчества. Он создавал повести в тяжелых условиях ссылки и с их опубликованием связывал многие надежды. Уже после освобождения в 1858 г. поэт писал С. Т. Аксакову: «Нужно работать, работать много, внимательно... Трудно мне одолеть великороссийский язык, а одолеть его необходимо. Он у меня теперь, как краски на палитре, которые я мешаю без всякой системы. Мне необходим теперь труд, необходима упорная, тяжелая работа, чтобы хоть что-нибудь уметь сделать. Я десять лет потерял напрасно, нужно возратить потерянное...»¹.

В русских повестях писатель с присущей ему смелостью и страстностью разоблачает деспотизм и произвол помещиков («Варнак»), рисует трагическую судьбу крепостного интеллигента («Художник», «Варнак», «Музыкант», «Прогулка»), показывает безысходное горе крестьянской девушки, ставшей жертвой безнравственного барина («Наймичка», «Капитанша»), развертывает картину морального падения и вырожде-

¹ Т. Шевченко. Повна збірка творів в трьох томах. Київ, 1949, т. III, стр. 399. В дальнейшем цитаты и примеры приводятся по этому изданию; римскими цифрами обозначен том, арабскими — страница.

ния дворянства («Княгиня», «Несчастный», «Близнецы»). В повестях заключен ценнейший автобиографический материал.

Тематическая направленность прозы Шевченко тесно переплетается с проблемами, которые широко разрабатывались передовой русской литературой 30—40-х годов прошлого века, когда стали появляться многочисленные произведения, осуждающие крепостнический строй и, в частности, издевательство самодуров-помещиков над одаренными людьми из народа («Дмитрий Калинин» Белинского, «Именины» Павлова, «Художник» Тимофеева, «Сорока-воровка» Герцена и др.).

Русские повести Шевченко интересны не только своим содержанием. Яркое впечатление оставляет их язык и стиль. Но именно в этом отношении они изучены еще явно недостаточно. Имеющиеся работы либо посвящены отдельным повестям, либо представляют собою наблюдения над частными, хотя и важными проблемами² и опубликованы преимущественно в украинских изданиях. Еще остается первоочередной задачей изучение языка и стиля прозы Шевченко в плане историко-стилистического контекста.

В процессе работы над русскими повестями перед художником возникла проблема речевого стиля. В этом смысле, вероятно, нужно понимать цитированное выше письмо к Аксакову. М. Шагинян не без основания полагает, что в речевой ткани повестей отразилось «...влияние двух борющихся направлений — романтико-риторического, связанного с именем Марлинского, и реалистического, созданного Гоголем»³. Хотя прозу писатель создавал в 50-е годы, ему не удалось избежать некоторых элементов старой художественной манеры, в частности, повествования от лица автора-наблюдателя. По своему стилистическому строю она обращена в 40-е годы, когда обострилась борьба Белинского с романтизмом и его эпигонами. Шевченко-прозаик чувствовал несостоятельность романтической манеры письма. В «Дневнике», тоже написанном на русском языке, он заметил: «Мне

² В. Рубан. До питання про лексику, фразеологію і стиль російських повістей Шевченка. — В кн.: «Наукові записки Київського державного ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. Зб. філологічного ф-ту», Київ, 1939; Е. С. Магура. К вопросу о лексике и фразеологии русских повестей Шевченко. — В кн.: «Зб. праць 4-ї науковій шевченківській конференції», Київ, АН УРСР, 1956; Петрова П. А. Украинизмы в лексике русских повестей Шевченко. — В кн.: «Зб. праць 8-ї наукової шевченківської конференції», АН УРСР, 1960; Туркин В. Н. Украинизмы в русских повестях Г. Г. Шевченко, «Русский язык в школе», 1964, № 1; М. Шагинян. Тарас Шевченко, М., 1964, гл. III.

³ М. Шагинян. Указ. соч., стр. 80.

хочется высказаться как можно проще и благороднее...»⁴. Память художника, видимо, хранила еще речевой опыт выходца из крепостных крестьян Павлова, автора «Именин» и «Ятагана» — повестей, благосклонно встреченных передовой критикой и несомненно близких Шевченко по своим мотивам. Однако в своих стилистических поисках он шел дальше, стремясь опираться на пушкинский принцип простоты.

В повести «Музыкант» писатель выступает с критикой вычурного стиля еще влиятельного в те годы Марлинского: «...продолжаются рассуждения в этом же роде., т. е. в роде филантропическом, только уже слогом возвышенным; обработанным, таким слогом, что я с трудом прочитал полстраницы. Настоящий Марлинский! Мир памяти его»⁵. Помимо прямых оценок языка Марлинского, Шевченко пародирует романтическую речевую манеру:

«Уже вечерний солнца луч златил величественное и широкое ложе реки Луги (так начал читать Иван Максимович), и когда мы перешли бесконечно длинный с разными вавилонами на сваях воздвигнутый мост через едва выглядывавшую из камышей реку Лугу, то лучезарный Феб уже скрылся за горизонтом в объятиях Фетиды» (II, 175). Так же пародийно звучат следующие строки:

«Златовласая, румяноланитая Аврора уже умылася алмазною росой и радостно улыбалась сладко дремавшей земле»⁶ (II, 585). Условно-риторическому словоупотреблению писатель противопоставляет выбор слов с четким предметным значением или со значением конкретного действия. Вот какие лексические средства отбирает он для создания картины потрясающей нищеты крестьянской хаты:

«Ворота были разобраны, частокол повалился, соломенная крыша на хаге ветром разорвана, и черные стропила виднелися, как ребра из полуистлевшего чудовища» (II, 44). Сравним описание пробуждения рассказчика на лоне природы:

«Как долго я наслаждался этой картиной, не помню. Помню только, как крупная капля росы с листьев орешника упала на лицо и разбудила меня» (II, 574).

⁴ Т. Шевченко Т. III, стр. 144.

⁵ Т. Шевченко. Т. II, стр. 184. См. также стр. 161, 175, 178, 383

⁶ У писателя еще встречаются столь характерные для классической поэтики начала века сложные прилагательные — эпитеты, но их морфологический состав, фразеологические связи и стилистические функции резко меняются, ср.: колбасолюбивая натура (III, 156), боговдохновенная галиматья (III, 219) и т. п.

Стилистические устремления Шевченко-прозаика были озарены передовой русской литературой и прежде всего гоголевским ее направлением. В «Дневнике» от 5 сентября 1857 г. он писал: «Мне теперь много нужно прочитать. Я совершенно отстал от новой литературы. Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какую радость возрадовалась бы душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих»⁷. Шевченко, находясь под обаянием гоголевского слова, нередко пользуется его образами для выражения своих мыслей и чувств:

«До прибытия Марка из школы старый Яким был похож на Афанасия Ивановича после смерти Пульхерии Ивановны»... (II, 61).

Это сопоставление — своеобразная стилистическая помета, придающая отдельным местам «Наймички» тон, перекликающийся с гоголевским:

«Так-то время и усидение связывает простосердечных людей друг с другом»..

«Яким с каждым днем оживал более и более. Лукрия угождала и ухаживала за ним, как за малым ребенком, а Марко, несмотря на его юность (и, как Гоголь говорит, юркость), не отставал от него ни на минуту» (II, 61).

Шевченко остается глубоко оригинальным в своей речевой манере, но факты позволяют говорить, что в стилистической структуре его повестей встречаются отдельные реминисценции из Гоголя. В «Художнике», передавая переговоры друзей молодого человека с его владельцем о выкупе, автор пишет:

«Сначала я повел речь о просвещении вообще и о филантропии в особенности. Он молча долго меня слушал со вниманием и наконец прервал: — Да скажите прямо, просто, чего вы хотите от меня с вашим Брюлловым?» (II, 420).

Сравним выдержанное в таком же стилистическом плане место из «Мертвых душ» Гоголя:

«Чичиков начал как-то отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его пространстве»...

«Вам нужно мертвых душ?» — спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления...⁸

С гоголевским «Скушно на этом свете, господа!» стили-

⁷ Т. Шевченко. III, стр. 172.

⁸ Н. В. Гоголь. Собрание соч. в шести томах, М., 1949, т. V, стр. 100.

стически перекликаются следующие слова из повести «Наймичка»:

«Грустно мне, печально мне вспоминать теперь мою молодость, мое детство беззаботное! Грустно мне вспоминать теперь те степи широкие, беспредельные»... (II, 65).

Подобное в повести «Варнак»:

«Грустно видеть грязь и нищету на земле скудной, бесплодной... Грустно, невыразимо грустно!» (II, 71).

Пристальное внимание к Гоголю и к русской бытовой повести 40-х годов закономерно вело Шевченко-прозаика к стилистической практике так называемой натуральной школы с ее критикой отрицательных сторон действительности, приверженностью к бытовым деталям, горькой иронией, гуманным сочувствием к маленькому, забитому и униженному человеку. Вот как в повести «Художник» Шевченко рисует один из дешевых ресторанов Петербурга:

«Там он мог видеть и бедного труженика сенатского чиновника в единственном, весьма не с иголки вицмундире, и университетского студента, тощего и бледного, лакомившегося обедом мадам Юргенс за деньгу, полученную им от богатого бурша-кутилы за переписку лекций Фишера» (II, 424). Сравним описание «петербургского угла» в повести «Несчастный»:

«Она вошла себе спокойно на давно знакомый ей дворик, подошла к известной лачуге близ помойной ямы и постучала в маленькую, наскоро сколоченную, но уже весьма ветхую дверь» (II, 219).

Стилистические приемы натуральной школы отчетливо проступают в рассказе о трагической жизни бедного художника Демского («Художник», т. II, стр. 478—480), где, как и в других подобных местах, речь автора и персонажей включает заметный пласт бытовой лексики и фразеологии, слова и выражения, характерные для городского люда, мелкого чиновничества.

Писатели натуральной школы не были спаяны единством идейных позиций: одни открыто и решительно выражали антикрепостнические настроения, другие оказывались в плену либеральной ограниченности и в своих произведениях были далеки от широких социальных обобщений. С этими последними поэту-революционеру было не по пути. Естественно, что и их речевая манера вызывала у Шевченко ироническое отношение:

«Здесь было бы очень кстати описать со всевозможными подробностями постоялый двор, но так как это описывали

уже многие, не только прозой, но даже и стихами, то я не дерзаю соперничать ни с кем из этих досужих писателей, ни даже с самым гомеровским описанием в стихах постоянного двора»... (II, 245).

Речевая практика Шевченко-прозаика отразила многие наиболее существенные тенденции развития стилистической системы литературного языка его эпохи. Эти тенденции окрашены индивидуальными чертами выдающейся творческой личности, характерным для художника мироощущением. Обращает на себя внимание тот сатирический накал, которым в ряде случаев отмечено словоупотребление писателя. Среди слов, привлекаемых для разоблачения самодуров-помещиков, излюбленной сатирической мегафорой выступает, например, слово **амфибия**:

«Вы завтра сходите к этой амфибии, чтобы он назначил пену вашему ученику» (II, 418).

«Зачем они детей родят, эти амфибии, эти бездушные автоматы?» (II, 511).

Страстной ненавистью к душителям народа дышат слова:

«Одно, чего он боится и чего никак устранить... не может, — это помещики или, как он называет их, **феодалы-собачники**» (II, 439). Шевченко подхватывает и закрепляет в своей речевой практике ту характеристику, которую дал Герцен царю Николаю I словом «Тормоз»:

«**Неудобозабываемый Тормоз** по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул: он теперь на одном волоске держится» (III, 182).

Многие страницы повестей окрашены мягким украинским юмором. Комический эффект достигается различными, широко известными уже со времен Гоголя речевыми и стилистическими приемами. Чаще всего у Шевченко встречается намеренное столкновение лексики, относящейся к различным стилистическим сферам, или объединение логически несовместимых, разнородных понятий:

«Я смиренно подсел к ним, последовал их мудрому совету и принялся за поросенка с бабою, как за прелюдию грядущего обеда» (II, 536).

«...я... по временам совершенно против воли, предугадывал, кто такая была обительница подвижного терема, т. е. **рыдвана**» (II, 513).

«Хорошо еще, если похороны или свадьба, или другой какой семейный праздник»... (II, 245).

Юмор сменяется тонкой и язвительной иронией, когда ав-

тор говорит о плодах воспитания дворянского недоросля Ипполитушки:

«А оставшись один, он отпер гвоздем маменькину шкатулку (он необыкновенно двинулся вперед по пути просвещения) и занялся отыскиванием в ней того секретного ящика, в который маменька деньги прячет» (II, 229).

«Что же ему и в самом деле оставалось делать? Разумеется, красть. А чтобы недалеко ходить, он решился первый этюд сделать над маменькиной шкатулкой»... (II, 229).

Специфическая особенность языка и стиля прозы Шевченко связана с умением автора воспринимать мир глазами живописца-профессионала.

Замечательный мастер пейзажа, Шевченко широко включал в описания лексику, обозначающую предметы и качества, рассчитанные на зрительное восприятие. Типична с этой точки зрения картина украинского вечера в повести «Наймичка»:

«Солнце близилось к горизонту и золотило своим желто-багровым светом и без того золотые, уставленные копнами поля благодатного села. Широкая долина покрылась прозрачным светло-фиолетовым туманом и спрятала прекрасную линию своего горизонта в тумане. Сула зарделася матовым румянцем, как загоревшая на солнце молодая жница при встрече с милым косарем своим. По желто-пурпурному мату извилистой Сулы кой-где тянутся за рыбацким челноком светлые блестящие струйки, — тянутся и пропадают в темно-зеленом очерете»... (II, 10).

Интересно возникающее в воображении автора совмещение приемов живописца и писателя:

«Я принялся за работу. Разложил темные и светлые пятна на моем неоконченном рисунке, и рисунок ожил, заговорил и сам собою окончился... Освещение изменилось. Рисунок я положил в портфель и хотел уже идти в село. Смотрю, золотое солнце повисло над фиолетовым горизонтом и рассыпало свои изумрудные лучи по всему необъемлемому пространству. Новая прелесть! Новое очарование! Пораженный чудной гармонией, я в безмолвии опустил руки и, не переводя дыхания, смотрел на эту великолепную ораторию без звуков» (II, 543, 544).

Широта эстетических и профессиональных интересов Шевченко обусловила и другую важную особенность его словоупотребления — наличие значительного количества лексических единиц, относящихся к живописи, графике, скульптуре, музыке и т. д., употребляемых как в терминологическом,

так и в переносном значении (например, палитра, эскиз, акварель, этюд, гравюра, барельеф, эстамп, фреска, ария, увертюра, каватина, соната, квинтет, оратория).

Большинство повестей Шевченко пронизано изображением украинского быта, чем объясняется появление в их языке большого числа украинизмов⁹. Украинской лексикой и фразеологией широко пользовались русские писатели начала века и писатели, творившие на украинском и русском языках (В. Т. Нарезный, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, В. И. Даль, Е. П. Гребенка, Н. В. Гоголь и др.), однако не всем им в полной мере удавалось передать украинский колорит и сделать свои произведения одинаково доступными как русским, так и украинским читателям. Шевченко, как и Гоголь, эту задачу решил блестяще. У него включение украинизмов в русскую речь было важнейшим средством выражения народного характера и реалистического воссоздания этнографического фона для развития действия. Украинизмы тем самым выступают в повестях и как средство демократизации языка. В этой осложненной функции они обильно входят в авторскую речь и в диалоги, особенно «Наймички», «Варнака», «Княгини», передавая названия различных видов национальной одежды, обычаев, частей и деталей жилья, названия кушаний, напитков и т. п. Ограничимся лишь несколькими примерами:

«В это время повстречался нам мужик и, снявши свой соломенный бриль, поклонился» (II, 143).

«...около них сидит мать, простоволосая, худая, бледная, в разорванной рубахе и без запаски»¹⁰ (II, 120).

«Размышляя таким образом, я очутился за цариной» (выгон) (II, 77).

«...примыкающий к корчме сарай, или так называемая сто дола, тоже аккуратно вымазана желтой глиной» (II, 247).

«Хата Антона Карловича, как вообще малороссийские хаты, разделялася сенями на две половины: собственно на хату с комнатою и на так называемую комору» (II, 147). Как свидетельствует Петрова П. А.¹¹, слово хата в повестях встречаем 298 раз. Только в «Прогулке» комора употребляется 22 раза, клуня и гребля — 20, став, ставок, ставочок — 5 раз, левада — 9, яр — 4, млин — 3 раза и т. п.

⁹ Украинизмы в прозе Шевченко изучены полнее других особенностей, поэтому мы здесь ограничиваемся лишь некоторыми замечаниями.

¹⁰ В примерах на украинизмы разрядка принадлежит автору повестей.

¹¹ П. А. Петрова. Указ. соч., стр. 173.

Шевченко разработал гибкую и стилистически мотивированную систему приемов включения в текст украинской лексики (пояснение ее русским синонимом, русско-украинские лексические параллели, комментарий в скобках, этнографическое толкование и т. д.).

Фразеология повестей обильно питается различными источниками: от народно-поэтических, включая и украинские, до многочисленных и разнообразных книжных. Вот некоторые примеры: чисто поле, добрые кони, белый свет, удалые головы, темный лес, степь широкая, кумушки-соседушки, старик со старухой, голубко сыза, мочить морды, притча во языцех, волшебный медикамент, ромбодановский шлях и т. п.

Ядро фразеологического состава повестей образует фразеология, широко употребительная в литературно-разговорном стиле речи, например: переливать из пустого в порожнее, сидеть сложа руки, развязать язык, положила руку на сердце, как ни в чем не бывало, концы в воду, тише воды, ниже травы, на чем свет стоит, ни слуху ни духу и т. п.

Художник охотно пользуется пословицами и поговорками, находя индивидуальные пути их применения. Так, автор подкрепляет выражаемую мысль авторитетом пословицы, а пословицу, в свою очередь, оценивает с точки зрения собственных нравственных принципов:

«Совершенно так, — отвечаю я благосклонному читателю, — и, по моему мнению, так и следует: хлеб-соль ешь, а правду режь, — говорит пословица и пословица говорит благородно» (II, 512).

Пословица привлекается и в качестве заключительного аккорда рассуждений персонажа:

«Он, изволите видеть, — заключил хозяин поучительную былицу, — он затесался куда-то в доброе место... к уральским казачкам; те его, добра молодца, в один денек облупили как липочку, да, вдобавок поколотили. И поделом! В чужой монастырь с своим уставом не суйся. — Трагический рассказ был ловко замкнут поговоркой». (II, 598).

Так же стилистически мотивированно Шевченко применяет и другие пословицы и поговорки, усиливающие смысловую и эмоциональную емкость речи, побуждающие читателя к раздумьям и выводам: всякий Еремей про себя разумея (II, 543), старого воробья на мякине не проведешь (II, 610), горбатого могила исправит (II, 598), сказано — пан, что хо-

чет, то и делает (II, 121), не сули журавля в небе, а дай синицу в руки (II, 433) и т. д.

Художник привлекает слова и обороты речи, распространенные в тогдашнем учебном обиходе:

— Корень учения горек, — весьма кстати проговорил отец Нил (II, 55).

В повести «Наймичка» традиционное школьное выражение кашу варить сопровождается описанием этого старинного школьного обычая (II, 58). Здесь же встречаем юмористический фразеологизм березовая каша (II, 105).

Писатель мастерски пользуется литературными афоризмами. В его речь органически вошло выражение крещеная собственность, впервые употребленное Герценом в качестве названия известной статьи:

«Его можно бы назвать ничем, если бы он не был помещиком нескольких сот душ крещеной собственности»... (II, 530).

В повести «Музыкант» встречаемся с оригинальным применением изречения, передающего высокий гражданский пафос и публицистические устремления автора:

«Не помню, в какой именно книге я прочитал такое изречение, что если мы видим подлеца и не показываем на него пальцами, то и мы почти такие же подлецы» (II, 164).

С гоголевским выражением свинья в ермолке ассоциируется свинья в торжковских туфлях, употребляемое автором по адресу помещика П. В. Энгельгардта (II, 418).

Шевченко не только пользовался уже готовым фразеологическим материалом, но и умело обновлял традиционные связи слов, что придавало речи свежесть и выразительность. От одних таких сочетаний остается впечатление сатирическое (выутюженная физиономия, II, 409; скоростипажная свадьба, II, 308), другие приобретают юмористическую окрашенность (например, вместо привычного крепко заснуть встречаем заснуть не по-воровски, а по-хозяйски, II, 589).

Писатель создавал яркие, запоминающиеся выражения, в которых запечатлен большой жизненный и политический опыт:

«Какое благодетельное дело труд, особенно если он находит поощрение» (II, 457).

«...в искусстве, в науке и вообще в деятельности умственной средняя дорога ни к чему, кроме безымянной могилы, не приводит» (II, 471).

В своем знаменитом дневнике — «Журнале» писатель

назвал декабристов первыми русскими благовестителями свободы, а царя Николая I — не первым русским коронованным палачом (III, 207).

Объем статьи не позволяет привлечь более широкий материал, в частности, охарактеризовать синтаксические особенности языка повестей. Но и представленные здесь наблюдения позволяют заключить, что проза Шевченко по своему языку и стилю — самобытное и оригинальное явление. Она не была изолирована от магистральных путей развития русской литературы. Вполне справедливы слова А. Н. Пыпина, одного из первых исследователей повестей Шевченко, о том, что они «займут своеобразное место в истории нашей реалистической бытовой повести»¹².

Язык и стиль прозы поэта не укладывается в тесные рамки какого-то одного стилевого потока. Но можно с полным правом утверждать, что он развивался в русле социально острой, обличительной беллетристики 40-х годов и во многом тяготел к поэтике и стилистике натуральной школы. От индивидуального стиля художника, в зависимости от объекта изображения, веет то суровой непреклонностью, взволнованностью, то необыкновенной задумчивостью, теплотой, лиризмом.

Проза Шевченко — одно из ярких проявлений традиционных русско-украинских языковых и литературных связей.

¹² А. Н. Пыпин. Русские повести Шевченко, «Вестник Европы», 1888, № 3.